

B. Hansen, P. Karlik (eds.). Modality in Slavonic languages. New Perspectives. München: Verlag Otto Sagner. 388 s.

Созданная по материалам международной конференции «Модальность в славянских языках. Новые перспективы» (Регенсбург, Германия, ноябрь 2004 года), книга представляет собой жанр промежуточный между сборником статей и докладами конференции. В сборнике представлено весьма пестрое собрание текстов: 24 статьи по-русски, по-английски и по-немецки сильно разнятся по уровню содержания и подачи материала. В то же время, учитывая, что модальность, и тем более модальность в славянских языках, – не самый частый сюжет современной лингвистики, сборник заполняет существенную лакуну. В книге затрагивается широкий круг проблем, связанных с модальностью: семантика разнообразных модальных единиц (во многих англоязычных статьях используется удобный термин «modals»), их ареальное распределение, историческое развитие, связь с культурными концептами.

До определенного времени модальность изучалась преимущественно на материале английского языка, с привлечением данных некоторых других европейских языков. Между тем, как справедливо отмечает Ф. де Хаан в статье «Модальность в славянских языках и семантические карты», английская модальная система во многом является уникальной и едва

ли может быть отправной точкой для описания других языков. Модальность в английском языке и, шире, в германских языках вообще, является, с точки зрения де Хаана и других исследователей (например, Б. Ханзена), грамматикализованной в значительно большей степени, чем это свойственно не только славянским языкам, но и, по мнению де Хаана, любым другим языковым семьям. Последнее утверждение, конечно, является слишком сильным: имеется немало языков, где по крайней мере часть модальных значений, которые в английском передаются с помощью глаголов, выражена аффиксально – а это свидетельствует о более высокой степени грамматикализации модальности (см., например, об этом [van der Auwera, Amman 2005]). Ф. де Хаан рассматривает четыре модальных поля (*domains*) в славянских языках: желание, деонтическую модальность, эпистемическую модальность и эвиденциальность (другие остались вне поля зрения автора). В статье предлагаются семантические карты для старославянского глагола *хотѣти* (у него выделены значения немедленного действия (то есть такого, которое будет совершено в ближайшем будущем), немедленного действия в прошлом, фаталистического (неизбежного) будущего и собственно желания). У сербско-

хорватского глагола *hteti*, помимо желательного, выделяются значения немедленного действия, будущего и вероятности. Сходная работа проделана для некоторых других модальных единиц славянских языков. Статью несколько обедняет тот факт, что рассматриваемые значения модальных слов не выделены на основе собственного анализа контекстов их употребления, а заимствованы из работы Ханзена 2001 года (цит. по рецензируемому изданию)¹.

Э. Фортейн в статье «От необходимости к возможности: спектр модальных значений дативно-инфинитивной конструкции в русском языке» неоднократно подчеркивает свою уверенность в отсутствии универсальной категории модальности. С его точки зрения, модальное значение дативно-инфинитивных конструкций является неопределенным и представляет собой сумму значений элементов конструкций (датива и инфинитива) и контекста. Прежде чем перейти к рассмотрению основных типов модальных значений этих конструкций ((не)возможность и пермиссив), автор подчеркивает, что собственно дативно-инфинитивные конструкции имеют весьма абстрактное значение, которое конкретизируется в определенных условиях.

Анализируя типы употребления дативно-инфинитивных конструкций, Фортейн утверждает, что «онтическое» значение у них преобладает над деонтическим, объясняя термин «онтический» как свойство такой ситуации, реализация которого зависит от внешней силы («фатум», «естественный ход развития ситуации»). Заметим, что в начале статьи автор оговаривает, что пользуется традиционными терминами для описания модальности (а не теми, которые предложены в статье Й. ван дер Ауверы и В. Плуңгяна), поскольку традиционная терминология вполне удовлетворяет целям его работы. Между тем введение понятия «онтический» по сути дублирует понятие внешней необходимости, предложенное Ауверой и Плуңгяном [van der Auwera, Plungian 1992].

Фортейн обращает наше внимание на то, что значение возможности у дативно-инфинитивных конструкций реализуется преимущественно с отрицанием: ср. *Ему здесь не пройти* и **Ему здесь пройти*. Автор считает, что между возможностью и отрицанием есть универсальная связь, и предлагает семантическую мотивировку этого факта.

Статья П. Цаги и П. Карлика «Откуда берется модальность?» любопытна выбором темы: авторы рассматривают чешские прилага-

тельные на *-teln(ý)*, имеющие модальное значение: *viditelný* 'видимый' – такой, который можно увидеть. Авторы отмечают, что эти прилагательные образуются только от переходных глаголов, причем не от всех: не имеют прилагательных на *-teln(ý)* глаголы эмоционального отношения и некоторые другие. Ответа на вопрос, поставленный в заглавии, авторы, по их собственному признанию, не находят, но предлагают считать суффикс состоящим из двух независимых морфем *-tel-* и *-n-*, поскольку дистрибуция каждой из морфем по отдельности соответствует правилам дистрибуции рассматриваемых прилагательных.

Две статьи сборника посвящены эвиденциальности и ее связям с эпистемической модальностью.

В.С. Храковский в статье «Эвиденциальность и эпистемическая модальность», посвященной типологической проблеме, обсуждает преимущественно инференциальное значение косвенной эвиденциальности ('говорящий делает вывод о существовании в прошлом некоторых событий, опираясь на наблюдаемые факты'). В.С. Храковский оспаривает точку зрения В.А. Плуңгяна (Плуңгян 2000), утверждающего, что это эвиденциальное значение сходно с эпистемическим: по мнению В.А. Плуңгяна, употребляя показатель инференциальной модальности, говорящий оценивает событие как недостоверное. Ссылаясь на статью Т. Майсака и С. Мердановой (2002) об эвиденциальности в агульском языке и статью С.Г. Татевосова (2005) об эвиденциальности в багвалинском языке, В.С. Храковский высказывает мнение о том, что говорящий оценивает имеющуюся у него информацию как неполную, но субъективно абсолютно достоверную. Автор сближает инферентивы с такими русскими модальными словами, как *определенно* или *я вижу*, а не такими, как *возможно*, *видимо*, *похоже*.

Иной точки зрения придерживается Б. Вимер («Концептуальное родство и диахронические отношения между эпистемической, инференциальной и цитативной функциями (предварительные наблюдения над лексическими маркерами в русском, польском и литовском)»), исследовавший связи инференциальной и эпистемической модальностей на европейском материале. Автор подчеркивает связь между эпистемическими и эвиденциальными значениями. Он вступает в дискуссию с А. Айхенвальд, которая предлагает использовать термин «эвиденциальность» только для тех языковых средств, которые сообщают об источнике информации, и четко отличать их от средств, указывающих на эпистемический статус ситуации. В многочисленных языках, исследованных А. Айхенвальд, эти значения

¹ Здесь и далее ссылки на литературу, цитируемую авторами статей, не включаются нами в библиографию.

морфологически различены. Между тем исследование таких слов, как *видимо, кажется, дескать, должно быть, как бы, пожалуй*, в трех балто-славянских языках показывает, что во всех этих языках инферентивное и даже цитативное значение часто кластеризуется с эпистемической оценкой. С другой стороны, инферентивность и цитативность образует кластеры нечасто, причем в тех случаях, когда это происходит, связующим звеном оказывается именно эпистемическая оценка. Большая часть цитативных показателей, проанализированных автором, возникает из показателей сравнения (ср. русск. *якобы*), причем цитативность развивается через эпистемический этап. Эпистемический домен оказывается, таким образом, своего рода переходной зоной для развития цитативных функций у лексем, которые этимологически связаны со сравнением. В конце статьи автор приводит таблицу со списком лексем, которые каким-то образом связаны с цитативностью, указывая их происхождение. Делаются некоторые выводы: количество лексических эпистемических маркеров гораздо больше, чем цитативных; только немногие эпистемические маркеры развиваются в цитативные.

А. Хольвут в статье «Эвиденциальность, модальность и интерпретационное употребление (*interpretative Verwendung*)» анализирует употребление разных модальных форм с точки зрения идеи об интерпретационном употреблении, высказанной Шпербером и Вильсоном в работе 1986 года. По мнению этих исследователей, будучи употреблены интерпретационно, языковые единицы отсылают не к объективной действительности, а к другому высказыванию или мысли: таким свойством, например, обладает косвенная речь. Частным видом интерпретационных употреблений являются так называемые эхо-употребления (*echoic uses*). Автор статьи делает интересное предложение рассматривать как интерпретационное (или, мы бы сказали, цитативное) употребление такие нетривиальные контексты императива, как императив долженствования в русском языке (*Все отдыхают, а я работай*), императив в вопросах, имеющийся во многих языках мира (букв. *Я приди?* – ‘Следует ли мне приходить?’, ‘Стоит ли мне приходить?’). Таким же образом автор объясняет различные употребления императива не первого лица с частицей *laj* в латышском языке и некоторые другие языковые явления. Заметим, что цитативная интерпретация императива в определенных контекстах хорошо объясняет употребления диалогических наклонений в некоторых типах полипредикативных конструкций.

В статье В.А. Плунгяна «Ирреальность и модальность в русском языке и в типологической перспективе» русские модальные категории (наклонение с частицей *бы*, инфинитив и императив) рассматриваются на типологическом фоне. Автор обращается к понятию ирреалиса, грамматикализованному во многих языках Тихого океана, в языках американских индейцев и Африки. В. Плунгян приводит список типичных для маркирования ирреальным показателем категорий и выделяет три семантических компонента, которые релевантны для ирреалиса: 1) ‘иметь место’ (произошло достаточно недавно по отношению к моменту речи), 2) ‘быть уверенным’, 3) быть референтным, т.е. представлять собой ясно различимую ситуацию с определенными или референтными аргументами и точной локализацией во времени (желательно единичной и законченной). Ирреальное маркирование категории высоковероятно в том случае, когда все три компонента совмещаются. Автор указывает на то, что с типологической точки зрения не все компоненты ирреального домена принадлежат к модальности. Большая часть модальных значений могут считаться ирреальными, но обратное неверно.

В русском языке нет грамматического маркирования статуса реальности, однако организация некоторых семантических доменов поразительно похожа на то, что представлено в языках с реалисом/ирреалисом. Из трех представителей ирреального домена императив является самым реальным, а условное наклонение – самым ирреальным.

Т. Парменова в статье «О взаимодействии разных видов модальности в русском предложении» обещает рассмотреть связь двух сфер модальности: собственно предикативной, присущей любому высказыванию и выражающей оценку говорящим ситуации с точки зрения ее реальности/ирреальности, и потенциальной модальности – факультативной категории, характеризующей мысленное представление говорящим внутренних или внешних мотивов осуществления ситуации (возможность, желательность, необходимость). Вызывает сомнения утверждение, что реальность/ирреальность как гиперкатегория не существует в чистом виде, без совмещения с другими видами модальной или иной семантики. Потенциальность автор предлагает считать переходной зоной между реальностью и ирреальностью. Свои теоретические рассуждения автор, к сожалению, развивает вне связи с наблюдениями над фактами языка, что затрудняет их верификацию.

Статья Б. Мюллер «Болгарская форма будущего в прошедшем» посвящена статусу и се-

мантике болгарских аналитических глагольных форм, которые образуются с помощью имперфекта вспомогательного глагола *има*. Автор излагает непростую судьбу этих форм, оказавшихся заложниками научного конфликта. В грамматике болгарского языка 1947 года (сразу после образования народной республики) было сказано, что, хотя эта форма часто употребляется в условных конструкциях и на этом основании некоторые ложно интерпретируют ее как условное наклонение, она входит в парадигму индикативных форм. За этой фразой стоит полемика с автором предыдущей болгарской грамматики 1939 года, в которой форма была названа кондиционалом. С этих пор «идеологически верной» трактовкой этих форм оказалась индикативная. Между тем анализ контекстов, произведенный автором, показывает, что форма выражает исключительно модальные и, добавим, ирреальные значения: главная часть контрфактивных придаточных, неосуществленная возможность, вежливая просьба и др.

Вопросительным конструкциям посвящены статьи М. Корытковской («Модальная категория интеррогативности») и Фр. Штиха («Общие вопросы в чешском: модальность без берегов?»). Последний пытается определить языковые элементы, присутствующие в общих вопросах чешского языка, которые несут ответственность за ту или иную модальную интерпретацию вопроса. Такими значащими элементами могут быть частицы, порядок слов или полярность сказуемого.

Й. ван дер Аувера, Э. Схаллей и Я. Нейтс исследуют способы выражения эпистемических значений на материале переводов первой книги о Гарри Поттере, сетуя на отсутствие параллельного корпуса славянских языков (статья «Эпистемическая возможность в славянском параллельном корпусе – пилотное исследование»). Известно, что в английском языке вспомогательные глаголы используются существенно чаще, чем в норвежском и шведском, и некоторые исследователи связывают этот факт со сравнительно более высокой степенью грамматикализации английских модальных глаголов. Поскольку в славянских языках модальные единицы грамматикализированы не в такой степени, как в английском, то можно предположить, что славянские языки реже используют модальные глаголы, чем английский. Иными словами, одной из задач исследования была проверка того, насколько грамматикализация коррелирует с частотностью.

Были проанализированы данные десяти славянских языков, причем для русского языка рассматривались два перевода. В оригинальном тексте были выбраны все употребления

may, might, could, maybe, perhaps, всего 87 предложений. Основное внимание уделялось тому, переведен ли английский глагол глаголом, а английское наречие – славянским наречием. Так, например, в словенском корпусе зафиксирован лишь один случай перевода английского модального глагола с помощью глагола же, из чего авторами сделан вывод о том, что словенские глаголы возможности еще не развились до эпистемической стадии.

Полученные данные интерпретируются с привлечением понятий грамматикализации, ареальности и полифункциональности. Так, например, английский глагол *might* может рассматриваться как более грамматикализированный, чем *could*, поскольку он полностью потерял свое лексическое значение, однако это глагол менее полифункциональный, чем *could*, и потому чаще переводится славянскими наречиями.

Ареальным исследованием является и работа Б. Ханзена «Как измерить ареальную конвергенцию: исследование обусловленной контактом грамматикализации в области контактов немецкого, венгерского и славянских языков». Основная задача – отследить, подверглись ли славянские модальные единицы влиянию немецких модальных глаголов. Автором разработаны 14 признаков, по которым сопоставляются модальные единицы. Полагая, что такие параметры вариативности представляют интерес сами по себе, даже безотносительно к проблеме, поставленной в статье, мы назовем их. Есть ли различие в выражении сильной и слабой необходимости (как нем. *müssen – sollen*); есть ли глагол, заимствованный из немецкого; есть ли специализированные средства для выражения отсутствия необходимости, как *nicht brauchen*; разрешения – *dürfen*; отрицания возможности – *нельзя*. Второй ряд вопросов касается постмодальных значений, таких как эвиденциальность (нем. *er soll sehr reich sein*, русск. *должно быть*), будущее время (из глагола желания в некоторых юж.-слав. языках), прохибитивность. Третий комплекс вопросов: есть ли в языке глагольные модальные единицы: хотя бы одна (этому условию не удовлетворяет только венгерский), больше половины или все (немецкий, верхнелужицкий, сербскохорватский). И последняя группа вопросов выясняет распределение личных и неличных модальных единиц (ср. русск. *я должен, но мне следует*): хотя бы одна, больше половины или все. В результате оценки языков по предложенным параметрам наиболее высокий балл получил немецкий – 14, наиболее низкий – болгарский – 3 балла, русский и венгерский – 4 балла; наибольшим набором сходств с немецким обладают языки, находя-

щиеся в зоне контакта: верхнелужицкий (13 баллов), а также чешский, словацкий и польский. Картину ареального влияния нарушает лишь словенский, находившийся в зоне влияния немецкого языка в течение тысячи лет, однако не обнаруживший значительных сходств. Автор предлагает объяснение этому факту.

Статья Ю. Бестерс-Дилгер под названием «Модальность в языковом контакте: Украинская «Проста мова» (2-я пол. XVI века)» посвящена исследованию развития средств выражения возможности и необходимости. «Проста мова» обнаруживает признаки начавшегося влияния польского языка, являющиеся языковым отражением польского доминирования в экономической, социальной и культурной жизни Украины. Первой ласточкой наметившихся изменений в модальной системе является глагол *(и)мети*, который выражал необходимость. Автор указывает на то, что наблюдаемое в модальной системе «проста мова» значительное влияние польского языка противоречит известным принципам контактного влияния. Такая грамматическая лексика, как модальные вспомогательные глаголы, на шкале способности быть заимствованным находится в самом низу.

Р. Вечерка в статье «Еще раз о необходимости и возможности», исследованных на материале старославянского языка, утверждает, что возможность и необходимость в этом языке этимологически базируются на посессивных конструкциях (точнее – на конструкциях обладания). Изначально посессивные конструкции со значением возможности или необходимости могут сужать свое значение в тех или иных устойчивых словосочетаниях. Автор указывает также на некоторые контексты, где модальные средства служат для формирования оптативных конструкций.

Э. Палласова («Выражение возможности, необходимости и желания в старославянском») указывает на то, что такие языки, как старославянский, отличаются весьма ограниченным кругом контекстов, что делает невозможным полное функционально-прагматическое описание исследуемого объекта. Формирование системы модальных средств в старославянском языке можно считать начавшимся. Большая часть средств еще связана со своим немодальным лексическим источником: возможность – с понятиями силы, мощи; необходимость (добавим, внутренняя) – с понятиями беды, страдания, угнетенности; (внешняя) необходимость – с оценками 'уместный', 'достойный', 'надлежащий' или 'вина', 'долг'. Полный переход к абстрактным модальным значениям еще не совершен, и полифункциональность, свойственная развитым модальным системам, еще

не развернулась. Наличие развитой системы нормативных установок поддерживает тезис К. Дёман о том, что нормативные и телеологические оттенки модальности начинают выражаться в языке еще задолго до неспециализированных и абстрактных модальных значений.

Статья А. Кожиновой «Лексические средства выражения модальности в западно- и восточнославянских переводах Библии» посвящена переводам библейского текста. Автор исходит из предположения, что если считать, что модальность выражает отношение сообщения к действительности с точки зрения говорящего, то переводы (то есть смена говорящего) должны значительно менять модальную структуру исходного текста. Сопоставлялись преимущественно разные переводы Библии XVI века, однако привлекались и более поздние тексты. Автор рассматривает разные случаи не вполне адекватного перевода модальных значений и приходит к выводу о том, что главным фактором, влияющим на способ перевода, является все-таки не личность переводчика, а языковая система, которая обладает определенными возможностями и определенными ограничениями в передаче исходного материала. Чтение статьи несколько затруднено тем, что многочисленные примеры на разных славянских языках XVI века не снабжены ни строкой глоссирования, ни пословным переводом.

С. Ваулина в статье «Диахронические аспекты исследования модальности в русском языке» предлагает общий обзор исторического развития модальных лексем, являющийся одновременно и обзором исследований, произведенных в этой области за последние тридцать лет.

Цель Р. Мейера (статья «Регенсбургский диахронический корпус русского языка: новый источник для исследования модальности и не только ее») – представить диахронический корпус русского языка, который создается в настоящий момент в Регенсбурге и одним из создателей которого является автор. Статья, таким образом, содержит довольно подробное описание корпуса и небольшой пример поисковых возможностей, предоставляемых корпусом, на материале слов с модальным значением.

М. Хиршова в статье «Модальные глаголы и иллокутивные конструкции» обращает внимание на сходство между значениями некоторых иллокутивных актов и значением, которое вносят модальные глаголы в декларативные и вопросительные предложения (*Закрой окно / Хочу, чтобы ты закрыл окно*).

Статья Х. Пулашевской «Модальность в приглашениях к действию. Контрастивное исследование речевого общения» посвящена ре-

чевым актам, которые автор называет «proposals» – приглашения к действию. На материале видеозаписей реалити-шоу «Большой брат» автор исследовал все речевые способы, которыми пользуется говорящий, чтобы побудить собеседника к совместному действию, в трех языках: польском, немецком и английском. В фокусе внимания находились всевозможные модальные средства: модальные глаголы, синтаксические типы предложений, модальные предикативные слова (напр., наречия), аналитические модальные конструкции. Автором разработана классификация приглашений к действию, основанная как на форме, так и на содержании высказываний, например: императивы, вопросительные предложения, делящиеся в свою очередь на подтипы (деонтические, содержащие пресуппозицию, содержащие намек и т.д.). Беглый разбор предложенных типов не позволяет, к сожалению, в полной мере оценить статистические результаты. Так, автором замечена несколько большая частотность императивных высказываний в польском языке. Является ли это следствием наличия в польском особой формы императива 1-го лица множественного числа, которая отсутствует в английском и немецком, из текста статьи понять не удастся, поскольку автор не излагает критерии выделения «императивного» типа высказывания. Сделан вывод о большей распространенности в английском и немецком языках высказываний, представляющих собой конвенционализированные косвенные приглашения. Этот факт автор связывает с известной для британской и немецкой культур установкой на *individual's right to freedom from imposition* (заметим, что известные русскому читателю выводы А. Вежбицкой о немецких «культурных сценариях» [Вежбицкая 1999] несколько отличны от тех, которые излагает автор).

Попыткой применить методы лингвистического анализа модальных единиц в исследовании культурных концептов является статья Д. Вайса «Возможность и необходимость в советском новоязе». Советская идеология характеризуется наличием двух миров, оппозицией «свои vs. чужие», «мы vs. они». Выясняется, что наличие этой оппозиции отражается на употреблении модальных лексем. Утверждения о «своих» строятся на эпистемической необходимости или невозможности, а модальность возможности, характеризующая кратковременные и локально ограниченные процессы, используется в утверждениях об идеологических противниках. Основным материалом исследования послужил корпус текстов Н.С. Хрущева, касающихся внешней политики. Особыми свойствами характеризуется предикатив *можно*, который относится преимущественно к нейтральным агентам или функционирует как модификатор речевого акта;

неоднозначно поведение глагола *мочь*. В наиболее яркой форме оппозиция «своих» и «чужих» проявляется в сфере эпистемических оценок: поведение «своих» полностью предказуемо, в то время как «чужие» являются источником неуверенности и тревоги говорящего.

Среди недостатков сборника следует отметить практически полное отсутствие редакторской обработки текстов. Некоторые русскоязычные статьи отличаются весьма невысоким уровнем стиля; несомненным неудобством является отсутствие строки поморфемной записи во многих статьях сборника. Поскольку в книге много русского материала, для русскоязычного читателя это неудобство сглаживается, однако и для него были бы нелишними глоссы к другим славянским языкам.

В кратком предисловии редакторы сообщают о своем намерении совместить данные, накопленные общей лингвистикой и славистами. Среди авторов сборника, преимущественно славистов, есть и несколько типологов. При чтении некоторых статей становится очевидным недостаток наших знаний о том, как соотносится выражение модальных значений лексическими элементами (как это происходит в славянских языках) и грамматическими категориями. Так, из дискуссии вокруг эвиденциальности и эпистемической модальности (статьи В.С. Храковского и Б. Вимера) создается впечатление, что связь инференциального значения с эпистемической оценкой зависит от того, идет ли речь только о морфологических показателях или в поле внимания исследователя попадают также лексические элементы. Следующим этапом в исследовании модальности, таким образом, хотелось бы видеть расширение круга описываемых языков и сопоставление фактов, известных типологам, с теми, которые столь богато представлены в рецензируемом сборнике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежбицкая 1999 – А. Вежбицкая. Немецкие «культурные сценарии»: Общественные знаки как ключ к пониманию общественных отношений и культурных ценностей // А. Вежбицкая. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
- van der Auwera, Ammann 2005 – J. van der Auwera, A. Ammann. Situational possibility. Epistemic possibility // M. Dryer, M. Haspelmath, D. Gil, B. Comrie (eds.). World Atlas of language structures. Oxford, 2005.
- van der Auwera, Plungian 1998 – J. van der Auwera, V.A. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic typology. V. 2–1. 1998.

Н.Р. Добрушина